

Платонова Н. М.
N. M. Platonova

БУРЯТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧИТИНСКОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ КОЧЕВОГО К ОСЕДЛОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – КОНЕЦ 1920-х ГОДОВ)

BURYAT POPULATION OF CHITA DISTRICT IN THE CONDITIONS OF THE TRANSITION PERIOD FROM NOMADIC TO SEDENTARY LIFESTYLE (THE SECOND HALF – THE END OF THE 1920s)

Платонова Нонна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Nonna M. Platonova – PhD in History, Assistant Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Аннотация. В общеисторическом контексте развития советского Дальнего Востока раскрываются традиционные условия жизнедеятельности бурятского этноса национальных районов Читинского округа. Отмечается, что руководство Далькрайкома ВКП(б) рассматривало перевод бурят с кочевого на оседлый образ жизни в качестве одного из направлений реализации стратегии государственной национальной политики. Анализируются первые позитивные сдвиги, имевшие место в аграрном секторе: распространение земледельческой культуры, увеличение посевных площадей, создание трудовой сельскохозяйственной артели, рост потребительского спроса на аграрную технику и машины. Рассматривая социально-экономические трансформации, особое внимание автор уделяет семейным отношениям, проблемам здравоохранения и образования. В переходный период значимость получили вопросы, связанные с влиянием религии и воздействием буддийского духовенства. Раскрываются факторы, замедлявшие модернизационные тенденции переходного периода. Подчёркивается, что превалирование полукочевого и кочевого скотоводства не давало возможности быстро отделить хозяйственные отношения от устоев домашнего быта, досуга, сохраняя их патриархальный характер. Резюмируется, что для бурятского населения национальных районов Читинского округа переходный период осуществлялся медленными темпами и был сопряжён с преодолением экономических и культурных вызовов со стороны традиционного образа жизни.

Summary. In the general historical context of the development of the Soviet Far East, the traditional living conditions of the Buryat ethnos of the national districts of the Chita district are revealed. It is noted that the leadership of the Dalkraikom of the CPSU (b) considered the transfer of Buryats from a nomadic to a sedentary lifestyle as one of the directions of the implementation of the strategy of the state national policy. The first positive changes that took place in the agricultural sector are analyzed – the spread of agricultural culture, the increase in acreage, the creation of a labor agricultural co-operative, and the growth of consumer demand for agricultural machinery and machines. Considering socio-economic transformations, the author pays special attention to family relations, health and education problems. During the transition period, issues related to the influence of religion and the influence of the Buddhist clergy gained importance. The factors that slowed down the modernization trends of the transition period are revealed. It is emphasized that the prevalence of semi-nomadic and nomadic cattle breeding did not make it possible to quickly separate economic relations from the foundations of domestic life, leisure, while preserving their patriarchal character. It is summarized that for the Buryat population of the national districts of the Chita District, the transition period was carried out at a slow pace and was associated with overcoming economic and cultural challenges from the traditional way of life.

Ключевые слова: государственная национальная политика, бурятский этнос, кочевой и оседлый образ жизни, Дальний Восток СССР, Читинский округ.

Key words: state national policy, Buryat ethnos, nomadic and sedentary lifestyle, Far East of the USSR, Chita district.

В свете последних событий, происходящих на мировой арене и в Российской Федерации, фундаментальные вопросы национальной политики и межнациональных отношений приобретают особую научную важность и значимость. На разных этапах государственного строительства, особенно в переломные моменты, национальные отношения остаются сложной и многогранной сферой общественной жизни, оказывая влияние на вектор социально-экономического, политического и культурного развития отечественного социума. За годы Советской власти был накоплен огромный исторический опыт межнационального сосуществования, понимания, взаимодействия, активно осуществлялся процесс формирования социальных институтов. Сегодня перед современными исследователями методология новейшего периода раскрывает возможность дать объективную, развёрнутую оценку результатов глубоких модернизационных трансформаций, имевших место в национальных регионах СССР на раннесоветском этапе [13; 14; 15; 16; 18; 19; 21]. Важное место занимают труды, посвящённые истории Бурятии, государственной национальной политике, реализуемой в сфере образования, культуры [1; 5; 8; 9; 10; 17; 20], здравоохранения [2; 3; 4; 11]. Авторы с максимальной исторической достоверностью раскрывают комплексные процессы советизации бурятского этноса, который преимущественно проживал на территории Бурят-Монгольской АССР и Монгольской народной республики. В научных трудах акцентируется внимание на традиционных устоях повседневности бурят, представлена полномасштабная картина приобщения их к новым видам социально-культурной жизни. Несмотря на широкую изученность проблемы национальной модернизации, её итогов и последствий для коренных народов тех или иных советских регионов, вне поля исследовательских интересов и историографического пространства остаётся вопрос о положении бурятского населения Читинского округа в переходный период от кочевого к оседлому образу жизни. Целью данной публикации является восполнение этой историографической лакуны.

Первоочередная задача, стоявшая в начале 1920-х гг. перед высшим партийным руководством советского государства, была связана с послевоенным восстановлением народнохозяйственного комплекса. Свои коррективы в направление дальнейшего социально-политического курса внесла новая экономическая политика, переориентировав большинство централизованных финансовых потоков в наиболее актуальное для государства русло. Придерживаясь выбранного вектора развития, правящая партийная элита СССР из-за дефицита денежных средств и отсутствия возможностей не предпринимала действенных мер по форсированию модернизации национальных регионов. Вопрос о механизмах усовершенствования традиционного образа жизни кочевого населения на высшем уровне оставался открытым. Тем не менее в научных кругах проблема вызвала исследовательский интерес.

Характерным явлением раннесоветского периода являлись различные научные дискуссии, актуализировавшие те или иные вопросы государственного строительства. На этих полемических площадках отечественные учёные приступили к обсуждению возможных рационально-оптимальных вариантов перехода кочевников на оседлый образ жизни. Например, предлагалось осуществить «переформатирование» кочевий через их коллективизацию или создать производственные товарищества с долгосрочным государственным кредитованием. В альтернативном случае на условиях компромисса соединить кочевое скотоводство и земледелие или вообще отказаться от попыток обновления жизненного уклада кочевников, оставив имевшуюся ситуацию без изменений [16, 235, 237, 238]. Новый, модернизационный, поворот внутривнутриполитического курса в СССР и переход к плановой экономической модели на рубеже 1920-х и 1930-х гг., как отмечает исследователь Ф. Л. Сеницын, привёл к тому, что «дискуссия о судьбе “кочевой цивилизации” была пресечена вмешательством властей», и в результате учёные «безоговорочно отвергли идеи об осторожном отношении к “кочевой цивилизации”» [16, 239]. Верх одержали доминанты индустриализации и коллективизации, началась советизация «кочевых» регионов, т. е. «интеграция территории и населения в общегосударственное политическое, экономическое и культурное поле СССР» [14, 126].

Во многом этот процесс был трудным и сопряжён с широким спектром проблем, пережитков, влиянием разноплановых условий и факторов. В частности, особенно беспокоили власть устойчивость родового образа жизни, высокий уровень религиозности и низкий – систем образования и здравоохранения, абсентеизм местного населения, отсутствие социальных инфраструктур, неэффективность кочевого скотоводства и земледелия. Имелись сложности в деле формирования аппарата местного управления, реализации призыва на военную службу, налоговой сфере и др. Кроме того, кочевники легко пополняли ряды различных вооружённых бандитских формирований, контрабандистов, повстанцев, участвовавших в боевых столкновениях с регулярной армией, а, учитывая стратегическое положение многих «кочевых» регионов, это вынуждало высшее партийное руководство в ускоренном порядке решать вопросы организации охраны и обеспечения безопасности государственной границы СССР [15, 21-25, 33, 52].

В рассматриваемый период развитие советского Дальнего Востока и Забайкалья протекало в общегосударственном контексте. После окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции в 1922 г. началось административно-территориальное формирование внутренних границ дальневосточного региона, которое проходило последовательно и было детерминировано политическими и социально-экономическими преобразованиями советской власти (см. табл. 1).

Таблица 1

Административно-территориальное устройство дальневосточной территории (см. прим. 1 – 3)

Административное образование/столица	Период	Территория
Дальневосточная республика (Верхнеудинск/Чита)	1920 – 1922 гг.	Амурская, Прибайкальская, Забайкальская, Приамурская, Камчатская, Приморская губернии (с северной частью острова Сахалин), Бурят-Монгольская автономная область
Дальневосточная область (Чита/Хабаровск)	1923 – 1926 гг.	Забайкальская, Прибайкальская, Амурская, Приамурская, Приморская, Камчатская губернии, Бурят-Монгольская АССР
Дальневосточный край (Хабаровск)	1926 – 1938 гг.	Амурский, Владивостокский, Зейский, Камчатский, Николаевский, Сахалинский, Сретенский, Хабаровский и Читинский округа

Районирование, осуществлявшееся «на принципах хозяйственной целесообразности» [18, 107], выдвинуло на одно из центральных мест необходимость решения национального вопроса. Прежде всего процесс трансформации традиционных форм жизнедеятельности затронул бурятское население, в большинстве проживавшее в двух Бурят-Монгольских автономных областях (одна – в составе РСФСР, другая – в составе Дальневосточной республики), после объединения которых в 1923 г. была образована Бурят-Монгольская АССР. На её территории сосредотачивалось 90,5 % бурят от общей численности бурятского населения в России. Кроме того, по данным переписи 1926 г. бурятский этнос проживал на территории Сибирского округа РСФСР общей численностью 13 693 чел., из них в Иркутском районе – 11 489 чел., а также в Хаоцайском и Хилоко-Бурятском хошунах (волостях) Читинского округа Дальневосточной области, где насчитывалось 8167 бурят [6, 172-173]. В ходе дальнейших изменений 1 июня 1927 г. эти два национальных хошуна были преобразованы в национальные районы, затем в 1931 г. их объединили в Хилоко-Хаоцайский район. Сформированная административно-территориальная система свидетельствовала о параллельном существовании в Читинском округе двух типов административных образований. Так, одни волости управляли мононациональными бурятскими общинами, другие являлись многонациональными поселениями (см. прим. 4).

Во второй половине 1920-х гг. Читинский округ представлял аграрно-промышленный регион, в экономике которого соотношение доходов сельскохозяйственного и промышленного секторов склонялось в пользу первого (см. табл. 2) (см. прим. 5).

Таблица 2

Показатели рентабельности ведущих отраслей народного хозяйства Читинского округа

Отрасль народного хозяйства	1925 – 1926 гг.	1926 – 1927 гг.
Сельское хозяйство	27 млн р.	32 млн р.
Промышленность	14,5 млн р.	15,5 млн р.

В то же время на динамику социально-экономического развития Читинского округа оказывали влияние факторы, связанные с пограничным положением его территории, многонациональным составом населения, зависимостью в вопросах ценообразования и снабжения продовольствием (прежде всего хлебом) от центра, территориальной удалённостью от краевой столицы (Хабаровска), негативно сказывалась деятельность контрабандистов. Основу большевистской партийной организации Читинского округа составляли кадровые железнодорожники, которые проживали «несколько обособленно, плохо увязывались с экономикой округа» (см. прим. 5, л. 29), вызывая трудности при выдвижении кандидатов на руководящие должности и при формировании Читинского окружного исполнительного комитета ВКП(б).

По данным Читинского окружного и районных исполкомов, в округе общая численность бурятского населения на 1 января 1928 г. составляла 8139 чел., из которых 3692 чел. проживали в Хилоко-Бурятском районе, 2924 чел. – в Хоацайском, 1523 чел. – в Ворзинском районе, в сомоне «Новая Заря». По социальному составу в Хилоко-Бурятском и Хоацайском районах насчитывалось 1105 бедняцких дворов, или 63,6 % по отношению к общему числу дворов; середняцких – соответственно 545, или 31,3 %; зажиточных – 88, или 5,1 %. О стабильности удельного веса и материального положения отдельных социальных групп бурятского населения свидетельствуют данные Хилоко-Бурятского райисполкома. Так, если в 1926 – 1927 гг. в районе бедняцких дворов было 551, середняцких – 360, зажиточных – 51, то в 1927 – 1928 гг. стало соответственно 532, 354 и 58 дворов. В определённой мере относительная устойчивость социального состава и отсутствие резких колебаний в его перегруппировке демонстрировали объективность размеров налогообложения.

В планах предстоящей первой пятилетки (1928 – 1932 гг.), помимо индустриальных ориентиров, коллективизации сельскохозяйственных производителей, урбанизации и т.д., на Дальнем Востоке СССР предусматривались последовательный процесс преодоления социально-экономической отсталости национальных районов, их интеграция и ускоренный перевод кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни. Эти задачи местное партийное руководство рассматривало как одно из направлений стратегии национальной политики советского государства, поэтому по поручению Далькрайкома ВКП(б) в 1927 г. Подотдел национальных меньшинств Агитационно-пропагандистского отдела провёл детальный анализ социально-экономического развития национальных бурятских районов Читинского округа.

Заведующий подотделом нацменьшинств АПО ДВК ВКП(б) Пак-Ай на заседании бюро Далькрайкома 7 января 1928 г. в докладе о результатах проведённой работы подчёркивал, что основным занятием бурятского населения национальных районов Читинского округа было скотоводство, которым занимались почти все буряты. В Хилоко-Бурятском и Хоацайском районах насчитывалось 1736 хозяйств, имевших 9367 голов крупного рогатого скота (от 3 лет и старше), лошадей – 3656, овец и коз (перезимовавших) – 9246, т. е. на каждое хозяйство в среднем приходилось соответственно 5,4; 2,1; 5,33 поголовья домашнего рабочего скота (см. прим. 6, л. 43). На положительную динамику развития животноводческого хозяйства указывают данные табл. 3.

Тем не менее количественные показатели роста ещё не свидетельствовали о глубинных качественных изменениях в этой сфере. Способы ведения кочевого скотоводства в целом оставались экстенсивными и примитивными, а участие бурятского населения в полномправном товарообороте

было минимизировано, поскольку они практически никакой продукции на рынок не поставляли, при этом сами оставались «невыгодными» покупателями [16, 230].

Таблица 3

Рост животноводческого хозяйства Хилоко-Бурятского района

Наименование скота	1926 г.	1927 г.	Увеличилось за год	Увеличилось по отношению к 1926 г., %
Рогатый скот (крупный и мелкий)	8316	9889	1573	18,9
Лошади	2104	2312	208	9,8
Овцы и козы	4671	5488	817	17,5

Значительно усугубляли ситуацию в национальных районах нехватка ветеринарных фельдшерских пунктов и отсутствие селекционной работы по улучшению пород скота. Выделенные на эти цели денежные средства местные власти часто использовали не по назначению. Так, в 1926 г. для приобретения быка-производителя Хилоко-Бурятский райисполком получил 250 р., но финансовый дефицит в местном бюджете и иные материально-технические нужды заставили партактив района израсходовать эти деньги. Понимая сложность экономического положения в районе, Читинский облисполком одобрил эти траты. Затрудняли переход к оседлости отсутствие постоянного места жительства и чрезвычайная территориальная разобщённость основной части бурятского населения, кочевавшего за своими стадами. Только в Хилоко-Бурятском районе 7 сомонов, объединявших 43 улуса (населённых пункта), располагались на участке размером около 9063 км².

В процессе приобщения бурятского населения национальных районов Читинского округа к оседлой жизни главным направлением являлось внедрение и распространение культуры земледелия. В течение 1925 – 1927 гг. наметились определённые тенденции к оседлости, т. е. переходу от кочевого скотоводческого хозяйства к земледелию. Ежегодно увеличивались размеры посевных площадей. Если в 1925 г. в Хилоко-Бурятском районе имелось 217 десятин пахотной земли, в 1926 г. – 281, то в 1927 г. – уже 366, или на 59,3 % больше по сравнению с 1925 г.; в Хаоцайском районе соответственно в 1925 г. – 19,86, в 1926 г. – 97,94; в 1927 г. – 148, или на 13,4 %. Важно отметить, что сдвиги в динамике достигались, как правило, за счёт посевов овса, предназначенного исключительно для обеспечения кормовой базы домашнего скота. С целью её дальнейшего расширения в Хаоцайском районе была создана трудовая сельскохозяйственная артель, увеличившая спрос на аграрные орудия труда, технику и машины. Только в 1927 г. буряты приобрели 1 селуку, 2 бороны, 2 веялки, 12 плугов и 1 трактор (см. прим. 6, л. 44 – 45).

Медленно, но постепенно национальное население втягивалось в модернизационные процессы. Частично финансирование мероприятий по переходу бурят Читинского округа к оседлости осуществлялось за счёт средств окружного Фонда бедноты, который в 1927 г. выделил Хаоцайскому райисполкому для развития местной сельхозартели 700 р. Кроме того, в 1928 г. Хилоко-Бурятский и Хаоцайский районы получили от Дальсельбанка по 600 р. на приобретение крупного рогатого скота, 2320 р. – рабочего скота, 3250 – машин; от Забайкальского сельскохозяйственного союза поступила 1 тыс. р. на закупку семенного зерна.

В переходный период местные власти столкнулись с такими реалиями повседневности, как отсутствие материально-технической базы агрономических участковых пунктов, располагавшихся в районах, агропропаганды среди населения, крайний дефицит семенного фонда и др. Окружное земельное управление (ОКРЗУ) и районные исполнительные комитеты являлись основными источниками финансирования участковых агрономических пунктов, но в условиях режима экономии и слабости местного бюджета денежные средства не всегда выделялись или задерживались на длительный срок. В частности, в Хилокском районе, не имея специального помещения, пункт располагался в здании райисполкома. Отсутствие условий для работы «...создавало много неудобств как для агронома, так и для населения, ибо последний не знал, где он мог видеть агронома» [7, 67]. Строительство отдельных помещений для агрономических участков планировалось на период с

1928 по 1932 гг., согласно первому пятилетнему плану мероприятий по развитию аграрного сектора, но денежных средств с трудом хватало в лучшем случае на приобретение наглядных пособий. В то же время из-за острого дефицита специалистов ОКРЗУ не имело возможности направить в национальные районы своих агрономов, поэтому участковые пункты не обслуживали бурятское население [7, 67] (см. прим. 6, л. 45).

Социально-экономическая трансформация неизбежно влекла за собой изменения в быту, семейных и культурных отношениях. Основным фактором, сдерживавшим их развитие, являлось преобладание традиционного уклада образа жизни бурятского населения. Превалирование полукочевого и кочевого скотоводства не давало возможности отделить хозяйственные отношения от устоев домашнего быта, досуга, сохраняя их патриархальный характер. «Жизнь и быт бурят имели отпечаток культурной отсталости и примитивного скотоводческого хозяйства», – именно такую оценку дал в отчёте Пак-Ай (см. прим. 6, л. 46).

Кочевой образ жизни не формировал у бурят необходимость иметь приспособленные к жилью помещения для разных времён года. Так, летом, пребывая в сомоне (сельском поселении) и выпасая свой скот, буряты проживали в холодных бараках, т. е. временных жилищах без окон и печей, а с наступлением зимнего времени в поиске кормов для домашних животных они перекочёвывали к месту нахождения покоса, устраивая там другие временные жилища в виде землянок и войлочных юрт (см. рис. 1). Поскольку о домашней гигиене, санитарии и чистоплотности буряты не имели представления, то в жилых помещениях «царствовала невероятная грязь, посуда никогда не мылась, лицо буряты мыли изредка холодной водой и то без мыла, бельё никогда не стирали, одежда, раз надетая, не снималась вовсе и носилась пока не истлевала на теле» (см. прим. 6, л. 47).

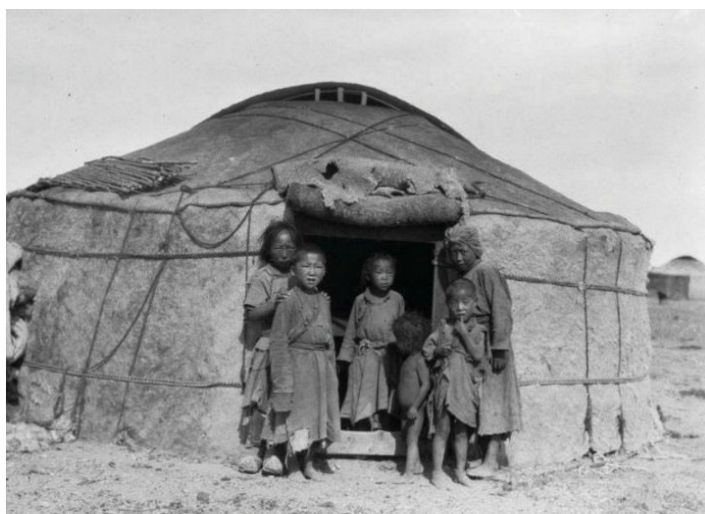

Рис. 1. Бурятская юрта, 1920-е гг. (см. прим. 7)

Консерватизм и архаичность господствовали и в семейных отношениях, где сохранилась власть мужа над женой, родителей над детьми. Особенно это сказывалось на взаимоотношениях мужчин и женщин. Обыденными явлениями в жизни бурят были эксплуатация и бытовое насилие над жёнами, которых мужья избивали при малейшем неповиновении, выдача дочерей замуж без их согласия, как правило, за калым.

Следствием отсутствия санитарной культуры и недостаточности профилактических мероприятий был рост социальных болезней среди бурятского населения национальных районов Читинского округа. Наиболее высокими были показатели по венерическим заболеваниям. До 60 – 70 % бурят болели сифилисом, у 1/3 сифилис был врождённым, что вело к высокой детской смертности и появлению поколения с признаками вырождения. Врачи и медицинский персонал, которые работали в национальных районах, отмечали, что «в бурятских семьях не была изжитая совместная ночёвка парней с девушками, порождая болезненные явления в виде быстрой половой

зрелости, ненормальной половой жизни, ведущей к быстрому половому истощению. Среди молодёжи господствовала половая распущенность» (см. прим. 5, л. 47). Лечением бурятского населения Читинского округа занимался фельдшерский пункт и венерологический отряд РОКК (Российское общество Красного Креста), располагавшиеся только в Хилоко-Бурятском районе. В Хаоцайском районе не было стационарного медицинского подразделения. Окружная система здравоохранения национальных районов испытывала острый дефицит централизованного финансирования, кадровый голод, маломощность материальной базы и др.

Наряду с преодолением культурного отставания и устойчивости патриархального быта при переходе на новый образ жизни приобрели важность вопросы, связанные с влиянием религии и воздействием буддийского духовенства. Глубоко верующие буряты для богослужения часто приглашали к себе лам или посещали дацаны (буддийские монастыри). Исключением не были даже советские партийные работники и комсомольцы. В частности, Пак-Ай отмечал, что «будучи в сомоне Угдан, я зашёл к председателю райисполкома тов. Шайванову и был удивлён, что в доме этого передовика, на котором, как мне рассказывали, держится весь райисполком, а буряты считают его самым образованным человеком в районе, в уголке устроен небольшой разноразрядный ящик со всевозможными маленькими и большими божками. Когда я спросил присутствующего в этом доме члена ВЛКСМ Дариводраева “что это такое” – он ответил – “это бурхан, в переводе Бог”» (см. прим. 6, л. 48).

Территориальная близость к Эгетуискому и Агинскому дацанам (см. рис. 2 и 3) Бурят-Монгольской АССР, располагавшимся примерно в 160,5 – 214 км (150 – 200 вёрстах) от национальных районных центров (см. прим. 8), давала возможность сотням лам, «беспечно проживавшим в дацанах, периодически совершать свои божественные налёты на улусы наших бурят» (см. прим. 6, л. 48).

Рис. 2. Эгитуиский дацан (см. прим. 8)

Рис. 3. Агинский дацан (см. прим. 8)

В ходе кампании по перевыборам в Советы было установлено, что в Хаоцайском районе постоянно проживали 76 лам, в Хилоко-Бурятском – 50, в Борзинском сомоне – 41, которые периодически выезжали в свои дацаны (см. рис. 4). Важно отметить, что буддийское духовенство способствовало распространению не только религиозного влияния. Обладая более высоким по сравнению с большинством бурятского населения общекультурным уровнем развития, многие ламы усиливали подчинение и привязанность местного населения через бесконтрольное врачевание и активную практику тибетской медицины. Так, Шайванов в беседе с Пак-Ай не скрывал, что некоторые сомон-советы всецело находились под влиянием лам, но в то же время подчёркивал их непричастность к политической жизни. Тем не менее сложно было отрицать факт экономической зависимости бурятского населения национальных районов Читинского округа от буддийского духовенства, что крайне беспокоило Далькрайком ВКП(б) (см. прим. 6, л. 48).

Одним из ключевых механизмов перехода на оседлый образ жизни и дальнейшей адаптации бурятского населения к новым условиям повседневности являлась система образования, создававшаяся «на основе всеобщего обязательного обучения, доступности и светскости школы,

государственного обеспечения ...» [8, 78]. В 1926 – 1927 учебном году в национальных районах Читинского округа действовали 6 начальных школ с 4-летним сроком обучения, в которых образование получали 237 чел., или примерно 20 – 25 % от общего числа детей школьного возраста, в 1927 – 1928 учебном году – 9 школ. Во вновь открытых школах в течение 2 лет обучались так называемые переростки, т. е. подростки в возрасте от 11 до 15 лет.

Рис. 4. Духовенство Агинского дацана, 1920-е гг. (см. прим. 8)

В целом школьная система образования национальных районов Читинского округа, впрочем как и многие другие сферы, испытывала материально-финансовые трудности, весьма сложно решалась кадровая проблема. В основном занятия в школах вели учителя-монголисты, слабо знавшие или вообще не владевшие русским языком, не имевшие общеобразовательной и тем более педагогической подготовки. Методическая база национальных учителей также была крайне слабой. Нередко учителем мог стать любой, пожелавший обучать детей. По данным райисполкомов, все национальные учителя были самоучками, поэтому говорить о качестве обучения в таких школах не приходилось. Для повышения профессиональной квалификации в 1927 г. ОкрОНО отправило 6 учителей-монголистов в Верхнеудинск на краткосрочные учительские курсы, но у партийного руководства были очень большие сомнения, что эти учителя смогут повысить свою педагогическую квалификацию [5, 129]. Дело в том, что национальные учителя, как отмечал Пак-Ай, «...по своей культурности стоят почти на одном уровне с рядовой бурятской массой. Они от последней отличаются только тем, что умеют читать и писать по бурято-монгольски, но соблюдать правила санитарии и гигиены они так же, как и все буряты, не умеют. Часто приходят в школу неумытые, занимаются плеванием на пол и т. д. Ожидать от таких учителей, что они могут научить учащихся хотя бы элементарным санитарно-гигиеническим навыкам, не приходится» (см. прим. 6, л. 52).

На повестке дня остро стоял вопрос о материально-технической базе школьных зданий. Все бурятские школы помещались в крестьянских избах, не приспособленных к занятиям, имелся острый дефицит учебной мебели, поэтому в 1926 г. первое специализированное школьное здание было построено в Уньдургинском сомоне Хаоцайского района. В 1927 г. Хилоко-Бурятский райисполком тоже получил финансирование (2500 р.) на сооружение типового школьного здания в Сарантуйском сомоне, но «из-за халатного отношения не использовал их своевременно по назначению» (см. прим. 6, л. 51).

Территориальная разбросанность, кочевой образ жизни, низкая материальная обеспеченность бурятских семей стали основанием для создания интернатов, воспитанники которых получали денежную помощь от государства. Для большинства семей она являлась важным источником финансов, но её незначительные размеры вынуждали многих детей помогать родителям, а не сидеть за школьной партой. В таких условиях педагогическим коллективам было трудно избежать роста отсева учащихся из школ. Если в начале 1926 – 1927 учебного года школы Хилоко-

Бурятского района посещали 153 ученика, то в конце – 96. На следующий год ситуация усугубилась, т. к. сумма, выделенная на обеспечение воспитанников интерната, снизилась до 1600 р., т. е. ежемесячное денежное пособие в размере 3 р. могли получить лишь 40 чел., остальных удержать за партой не представлялось возможным.

Относительно учебной литературы следует отметить, что национальные школы снабжались учебниками и пособиями на русском языке, но не хватало изданий на бурят-монгольском языке. Поскольку ОкрОНО непосредственно не занималось приобретением таких учебных изданий, выделяя на эти нужды денежные средства бурятским райисполкомам, то последние самостоятельно закупали учебную литературу в Бурят-Монгольской АССР. Однако школы автономной республики сами испытывали нехватку учебников и педагогической литературы на родном языке, поэтому имели место перебои в снабжении районных учебных заведений. Методических пособий для бурятских школ почти не было [9, 98].

Таким образом, для бурятского населения национальных районов Читинского округа переходный период был сопряжён с преодолением экономических и культурных вызовов со стороны традиционного образа жизни и осуществлялся медленными темпами. Наметившиеся тенденции перехода на оседлость, земледельческий уклад были крайне слабыми. Отсутствие национальной элиты в таких важных областях, как образование, культура, здравоохранение, нехватка национальных кадров в составе партийных и комсомольских организаций, слабое материально-техническое и финансовое обеспечение национальных районов с преимущественно кочевым и полукочевым населением сдерживали возможности реализации социально-экономических комплексных мероприятий. В контексте начинавшейся индустриализации для местного партийного руководства Дальневосточного края не было другой альтернативы решения поставленной государством задачи. С учётом специфики Читинского округа необходимо было мобильно и ускоренно осуществить перевод бурят на оседлый образ жизни, интегрировать их в новую советскую действительность, ликвидировать отсталость национальных районов. С этих позиций глубокий анализ положения бурятского населения, проведённый Далькрайкомом ВКП(б), во многом раскрывая реальную картину, содействовал дальнейшей реализации национальной политики советского государства на дальневосточной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова, В. В. Становление национальной школы в Бурят-Монголии: битва в пути / В. В. Базарова // Власть. – 2011. – № 7. – С. 101-104.
2. Бакшуев, В. Ю. Государственная политика здравоохранения и женский вопрос в Бурят-Монгольской АССР и Монгольской народной республике (конец 1920-х – 1930-е гг.) / В. Ю. Бакшуев // Власть. – 2017. – № 3. – С. 167-172.
3. Бакшуев, В. Ю. Пробуждая «буддийский восток»: компании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920 – 1970-е гг.) / В. Ю. Бакшуев // Власть. – 2015. – № 10. – С. 198-203.
4. Бакшуев, В. Ю. Советская социальная евгеника и нацменьшинства: ликвидация сифилиса в Бурят-Монголии как элемент программы модернизации национального региона (1923 – 1930 гг.) / В. Ю. Бакшуев // Власть. – 2012. – № 10. – С. 174-178.
5. Бальхаева, И. Х. Подготовка кадров учителей в условиях ликвидации неграмотности населения в Бурят-Монгольской АССР в 1923 – 1932 гг. // Вестник ВСГУТУ. – 2013. – № 2. – С. 128-136.
6. Болхосоева, Е. Б. Административно-территориальное устройство и особенности этногеографии бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Биология. География. – 2004. – № 3. – С. 164-177.
7. Ледкова, Л. П. Формирование сети агрономических участков в Забайкалье в 1917 – 1930 гг. / Л. П. Ледкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (69). В 2 ч. Ч. 1. – С. 65-68.
8. Номогоева, В. В. Всеобуч в Бурятии: проблемы реализации в 1920 – 1930-е гг. / В. В. Номогоева // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 77-83.
9. Номогоева, В. В. Национальная школа в Бурятии в 1920 – 1930-е гг.: проблемы формирования / В. В. Номогоева // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 3 (27). – С. 95-99.
10. Номогоева, В. В. Повседневная жизнь бурятского населения (1920 – 1930-е гг.) / В. В. Номогоева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 27-30.

11. Номогоева, В. В. Санитарное просвещение и борьба за «новый быт» в Бурятии в 1920 – 30-е годы / В. В. Номогоева, А. М. Плеханова // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. – 2008. – № 2 (66). – С. 162-165.
12. Перфильева, И. А. Некоторые аспекты процесса формирования органов управления хозяйством в Забайкалье и Бурятии в 1920-х годах / И. А. Перфильева // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2004. – С. 137-140.
13. Рабинович, В. Ю. Специфика формирования национальной политики в Восточной Сибири в 1920-х гг. / В. Ю. Рабинович // Власть. – 2013. – № 11. – С. 160-164.
14. Сеницын, Ф. Л. «Погоня за населением»: советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. / Ф. Л. Сеницын // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 126-141.
15. Сеницын, Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917 – 1991 / Ф. Л. Сеницын. – М.: Центрполиграф, 2019. – 318 с.
16. Сеницын, Ф. Л. Советские учёные о судьбе «кочевой цивилизации» (1920-е гг.) / Ф. Л. Сеницын // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 67. – С. 229-245.
17. Сорголь, А. О. Проблема сохранения культурных традиций коренных народов Хабаровского края в XXI в. / А. О. Сорголь // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № II-2 (34). – С. 10-14.
18. Качёва, Г. А. Административно-территориальные преобразования и демографические процессы на Дальнем Востоке СССР / Г. А. Качёва // Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В. Л. Ларина; отв. ред. Л. И. Галлямова (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2). – Владивосток: Дальнаука, 2018. – С. 107-133.
19. Ургалкин, Ю. А. Регионализация национальных отношений в Российской Федерации: философско-методологический аспект / Ю. А. Ургалкин. – Самара: СамГПУ, 1995. – 164 с.
20. Цыренова, З. Е. Советская политика сохранения традиционной культуры коренных народов Восточной Сибири / З. Е. Цыренова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № SC. – С. 23-27.
21. Чимитдоржиев, Ш. Б. Бурят-монголы: история и современность: раздумья монголоведа (очерки) / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: Бурятское издательство, 2000. – 128 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шиндялов, Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» / Н. А. Шиндялов // Россия и АТР. – 2011. – № 1. – С. 5-18.
2. Саблин, И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / И. Саблин; пер с англ. А. Терещенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 480 с.
3. Баринев, А. Чита – столица Дальневосточной области / А. Баринев // Читинское обозрение. – 2014. – № 46. – URL: <http://obozrenie-chita.ru> (дата обращения: 07.04.2021). – Текст: электронный.
4. Хилокский район. Административно-территориальный очерк // Хилокский краеведческий музей. – URL: <https://museum.hilok.ru/index.php/kraevedenie/istoriya-i-geografiya/34-administrativno-territorialnyj-ocherk> (дата обращения: 04.03.2021). – Текст: электронный.
5. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 29.
6. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 87. Л. 43-51.
7. Виктор Осса. Как русские и немецкие врачи в 1920-е спасли бурятов от вымирания от сифилиса // Твиттер, 2022. – URL: http://twitter.com/v_ossa/status/887759036367745025?lang=es (дата обращения: 27.11.2021). – Текст: электронный.
8. Агинский дацан, сайт. – URL: <http://aginskydatsan.ru> (дата обращения: 27.11.2021). – Текст: электронный.